

Пэй Цинчжоу проводил гостя до особняка, и как раз в этот момент в родовом гнезде гостила двоюродная тётушка Чэнь Цзяцы. Стоило ей увидеть Пэй Цинчжоу, как она ни в какую не пожелала отпускать его и настояла на том, чтобы он остался на ужин.

Проявляя такое радушие и будучи старшей по возрасту, Пэй Цинчжоу уже не мог отказываться снова и снова.

Мать Чэнь Цзяцы была третьей женой главы семьи Чэнь. Сам Чэнь Цзяцы приходился четвёртым по счёту, а выше него было еще три сводных брата от других матерей.

Глава семьи Чэнь всю жизнь славился любвеобильностью, а мать Чэнь Цзяцы обосновалась за границей еще в его юные годы.

В глубоких дворах богатых особняков всегда полно пересудов и интриг. За все эти годы среди сородичей лишь эта двоюродная тётушка сохраняла с Чэнь Цзяцы по-настоящему близкие и тёплые отношения.

Проводив Пэй Цинчжоу взглядом за порог, тётушка тут же повернулась назад, плотно затворила дверь и, притянув к себе Чэнь Цзяцы, с ходу допытывалась: — До какой стадии вы дошли?

Любой понимал, что опереться на такое могучее дерево, как семья Пэй, — значит обеспечить себе прохладную тень на годы вперёд.

— На стадии нормальных отношений, — Чэнь Цзяцы отщипнул кусочек османтусового рисового пирожного с тарелки и откусил, совершенно не уловив скрытого подтекста в её словах.

Тётушка под села вплотную к Чэнь Цзяцы, наполнила его чашку чаем, а затем, вытянув шею и наклонившись ближе, шёпотом продолжила допрос: — Нет-нет, я не о том! Я спрашиваю, до чего вы дошли в отношениях? То есть, вы уже спали вместе или нет?

Чэнь Цзяцы уставился на двоюродную тётушку, ничуть не смутившись. Он отложил пирожное и с улыбкой парировал: — Ой, ну что вы за вопросы задаете?

— А что? Нельзя спросить? — тётушка и впрямь считала, что её совесть чиста. — Я же о тебе забочусь! Ты столько лет провел вдалеке от дома и понятия не имеешь, какое положение занимает сейчас семья Пэй и что из себя представляет этот тэй Пэй Цинчжоу.

— Мы с ним совсем не так, как другие, мы знакомы уже много лет, — пирожное оказалось слишком сладким, и Чэнь Цзяцы сделал глоток горячего чая, чтобы запить приторность.

— Глупый ребёнок, — сокрушалась тётушка, сетуя на его непонятливость. — Ты просто скажи мне прямо, до какой стадии вы дошли!

Хотя выдающимся умом тётушка не отличалась, подкупало то, что она искренне желала ему добра. Чэнь Цзяцы немного поколебался, но всё же выложил всё как есть: — Пока ничего такого не делали, на ночлег всегда устраиваемся раздельно. В конце концов, я ведь только недавно вернулся.

Чэнь Цзяцы выходил в свет вместе с Пэй Цинчжоу по меньшей мере раз четыре-пять. Но среди мужчин с таким происхождением и влиянием, как у Пэй Цинчжоу, разве найдутся те, кто нагулялся вдоволь и не любит поразвлечься?

Тётушка тяжело вздохнула, сокрушаясь, что заграничная жизнь совсем лишила Чэнь Цзяцы рассудка.

— Нельзя же так говорить. Мы знакомы с самого детства, и он всегда относится ко мне иначе, чем к остальным людям. То, что он проявляет осторожность, вполне естественно, — в конце своих оправданий Чэнь Цзяцы вдруг почувствовал необъяснимый укол совести.

— А у него на стороне есть кто-нибудь ещё?

Чэнь Цзяцы даже пожалел, что позволил Пэй Цинчжоу проводить его сегодня: — Раньше были, но сейчас с этим давно покончено.

Тётушка выразительно заиграла бровями: — Откуда тебе знать, покончено или нет? Снаружи полно тысячелетних лисиц-соблазнительниц.

В богатых кланах насмотришься всяких безобразий. Сам по себе Чэнь Цзяцы был человеком прямым и открытым, но с лёгкой подачи тётушки в его душе и впрямь зародились смутные подозрения.

На Праздник Середины Осени родственники семьи Чэнь собрались все вместе. Во время вечерней трапезы тётушка обратилась к одному из дядей Чэнь Цзяцы: — А Шэн всё еще занимается музыкой?

Этот дядя приходился Чэнь Цзяцы младшим дядей, ему было чуть за сорок, он овдовел и воспитывал приемную дочь по имени А Шэн, которая с детства училась играть на фортепиано.

Тань Сяофань получил звонок от Чэнь Цзяцы в тот момент, когда настраивал пирожное в клубе.

Хотя после тяжелой травмы требовалось немало времени на восстановление, сам он не был ни капризным, ни ленивым. Проотдыхав всё лето до самой осени, он почувствовал, что сидеть сложа руки больше не может, официально закрыл больничный и вышел на работу в клуб раньше срока.

— Сяо Фань, не знаю, помнишь ли ты меня, — первым делом произнёс Чэнь Цзяцы.

Получив этот звонок, Тань Сяофань не мог не удивиться — он-то считал, что всё, что следовало прояснить, они уже давно обсудили: — Помню, молодой господин Чэнь.

— Не нужно так меня называть, это слишком чужой тон, — Чэнь Цзяцы на секунду замолк. Раньше он никогда не вёл себя подобным образом. — Я хочу попросить тебя об одной услуге.

Тань Сяофань удивился еще сильнее: — А? О какой услуге?

Чэнь Цзяцы спросил: — У моих родственников есть девочка, она хочет научиться играть на фортепиано. Ты не мог бы позаниматься с ней?

— Я... я на самом деле не так уж хорошо играю, вы могли бы найти кого-то получше, — Тань Сяофань уже начал новую жизнь.

— Ты всё еще держишь обиду? У меня не было никаких задних мыслей, — Чэнь Цзяцы покосился на сидевшую рядом и прислушивавшуюся к его разговору двоюродную тётушку и всё же настоял на своём: — Сделай одолжение.

— Нет, правда нет, — Тань Сяофань оказался в трудном положении, но, будучи человеком мягкосердечным, в конце концов уступил: — Тогда назовите время и место, я приеду к вам.

— Не нужно, я отправлю за тобой машину, — повесив трубку, Чэнь Цзяцы тут же сильно пожалел о содеянном, а подошедшая тётушка с облегчением похлопала его по плечу.

Маленькая А Шэн занималась по два урока каждые выходные. Девочка была умной и послушной, а семья Чэнь платила щедрое вознаграждение. Прозанимавшись так целый месяц, Тань Сяофань даже поймал себя на мысли, что судил о благородном человеке по меркам подлеца и зря напрасно подозревал Чэнь Цзяцы.

Поскольку уроки предназначались для ребёнка младше десяти лет, родители присутствовали на занятиях в качестве слушателей. Во время уроков Тань Сяофань отец А Шэн сидел рядом.

Отец А Шэн неплохо разбирался в фортепиано и музыкальной теории, обладая собственным оригинальным взглядом на музыку. Завязав разговор, Тань Сяофань и он обнаружили такое взаимопонимание, словно встретили родственные души.

В начале октября у нынешней госпожи Чэнь был день рождения. Чэнь Цзяцы вовсе не хотел туда идти, но и отказаться было неудобно. Пэй Цинчжоу, видя его терзания, предложил составить ему компанию.

С таким спутником, как Пэй Цинчжоу, как бы заносчива и надменна ни была нынешняя госпожа Чэнь, Чэнь Цзяцы не оказался бы в унижительном положении.

Вечером предстоял банкет, поэтому урок фортепиано сместился на час раньше. По заведённому порядку Тань Сяофань тоже должен был закончить занятия пораньше, но из-за того, что они с отцом А Шэн задержались за беседой, он немного опоздал.

Вечером Тань Сяофаню нужно было возвращаться в клуб, а поскольку водители в родовом гнезде семьи Чэнь были целиком заняты встречей и проводом гостей, отец А Шэн сам вызвался отвезти его.

Пэй Цинчжоу вошёл следом за Чэнь Цзяцы. Проходя через двор, он бросил взгляд в сторону и заметил до боли знакомую худощавую фигуру, которая оживленно о чем-то беседовала с кем-то на ходу.

Пэй Цинчжоу бросил многозначительный взгляд на своего помощника.

Положение Чэнь Цзяцы в семье Чэнь было невысоким — все дела семейного бизнеса держали под контролем его старший и второй братья. Но сегодня всё было иначе, ведь его сопровождал сам Пэй Цинчжоу.

На банкете все были в приподнятом настроении, и Чэнь Цзяцы пригубил два бокала красного вина. После окончания торжества он наотрез отказался уезжать без Пэй Цинчжоу и непременно захотел проводить его.

<http://bllate.org/book/26649/3191721>